

Л.Г. Жданов

Во дни Смуты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л11

Л11 **Л.Г. Жданов**
Во дни Смуты / Л.Г. Жданов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 128 с.

ISBN 5-270-01872-1

Среди исторических романистов начала XIX века не было имени популярней, чем Лев Жданов (1864 - 1951). Большинство его книг посвящено малоизвестным страницам истории России. В собрание сочинений писателя вошли его лучшие исторические романы - хроники и повести. Почти все не издавались более восьмидесяти лет. В книге, предложенной вниманию читателя - повесть "Во дни Смуты".

ISBN 5-270-01872-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л.Г. Жданов, 2021

Лев Григорьевич Жданов
Во дни Смуты

Часть первая

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНИЕ

Глава I

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО

(11 сентября 1613 года)

Москва от древних лет торговый городок была, таким навсегда и осталась.

Тяжкая пора приспела для всей Московской Руси, начиная с 1598 года, как только, по смерти царя Федора Ивановича, последнего из рода Рюриков, воцарился на Москве и над всю Русскую землей Борис Годунов, потомок татарского князька Четая, ближний боярин, любимец и советник Ивана Грозного в его последние годы.

Умный правитель Руси, жестокий Иван IV, так ценил Годунова, что женил своего наследника, Федора, на Ирине, сестре Бориса. И тому же Годунову, умирая, Грозный поручил заботу о своем болезненном и слабоумном сыне.

И тогда еще, после долгих лет опричнины, были на Москве люди, более знатные родом и довольно опытные в деле управления землей. Но старый правитель недаром десятки лет «рубил густой боярский лес», чтобы царственным росткам его корня не застилали света побегии древних княжеских родов... Знатный опекун мог воспользоваться слабодушием Федора, свергнуть его с трона и повести новую династию вместо рода Даниловичей, потомков Ивана Калиты.

Этого Грозный не хотел. И он был уверен, что Борису, татарскому выходцу по крови, в ум не придет взяться за скипетр. Иван был убежден, что умный Годунов постарается только сберечь царство для своих будущих племянников, для детей Ирины и Федора... И, наконец, если бы Борис и посмел протянуть руку к наследию Калиты, – бояре и князья не позволят выскочке татарскому вознестись над ними...

Так думал старый, мудрый правитель... Но даже и его успел обмануть умный, изворотливый Годунов... Обманул его и при жизни, и по смерти.

Детей не было у Федора и Ирины... И рождались, да не жили... И шли толки, что в этом повинен был тот же «свояк царский», Борис, которому даже брошено было в глаза открытое обвинение в одном детоубийстве, в гибели Углицкого царевича Дмитрия...

Но спокойно принимал Борис все упреки, презрительно улыбался, слыша «недобрые толки» о его делах... Он знал, что сила за ним. Недаром он рос и воспитывался при дворе Ивана Грозного, ломал душу, гнул и лукавил десятки лет, изучил все отрасли правления, все ходы и выходы дворцовой жизни, где предательство и тайное убийство, топор палача и яд, незаметный, но верный – одинаково легко пускались в ход, как лесть, подкуп и пресмыкательство перед нужными людьми.

Все пустил в ход Борис, не остановился ни перед чем, особенно в 1598 году, когда собрался Земский собор для избрания царя. Друзья и сродники Годунова щедро задаривали более влиятельных членов собора. Патриарх Иов давно был дружен с правителем, как назывался Годунов после отречения его сестры, царицы Ирины, от наследия царского, врученного вдове после смерти Федора Ивановича, последнего из рода Ивана Калиты. Московские выборные и послы из го-

родов знали давно, что землю правит Борис от имени царя Федора, и правит хорошо.

– От добра – добра не ищут! – говорили городские выборные и заранее наметили Годунова в заместители его скончавшегося шурина на осиротелом троне московских царей...

Бояре!.. Много врагов было у Годунова среди знатного боярства, среди остатков тех «великокняжеских родов», которых почти вконец извела опричнина, для этого и созданная Грозным, тоже не без совета и участия Годунова... И теперь «княжата», то есть потомки древних княжеских родов, слишком были слабы, чтобы бороться влиянием и даже подкупом с Годуновым. Их времена прошли.

Да и кого могли они выставить в этот решительный миг, как соперника Годунову!..

Тянул руки к венцу и бармам Мономаха пронырливый, лукавый Рюрикович, князь Василий Шуйский... И по родословной, конечно, у него было больше прав, чем у потомка татарского мурзы, хотя бы и шурина царского...

Но слишком не любили бояре эту «язву», как звали они старика.

– Мягко стелет, жестко будет спать!.. – говорили они.

А московские и областные послы и слышать не хотели о Шуйском, о старинном вотчиннике новгородском.

– Посади его на царство, – он Москву затрет, свой Новгород на первое место высунет!..

Так говорили на Москве. И годуновские сторонники, конечно, постарались раздуть эти опасения...

Мог бы бороться с «Годуном» другой Рюрикович, князь Федор Иванович Мстиславский. Но он, человек немолодой, далекий от придворных интриг, мало знакомый с управлением, слишком любил покой и не пожелал сам в такое тревожное время променять свое почетное, первое место в царской думе на более высокое, но несущее заботы и опасности, положение главы царства.

Попытался было Богдан Бельский, тоже родич царский, бывший наложник извращенного Иоанна Грозного, ухватить власть, которая ждала: кто сможет ею овладеть?.. Но его попытка не удалась, и князь поплатился за нее – опалой, ссылкой и разорением. Максимилиан Австрийский, чужой принц, выставленный дьяком Андреем Щелкаловым, конечно, был не опасен для Годунова.

Пока друзья и родичи вели выборную работу, сам Борис отошел в сторону; потом, избранный, проделал блестящую комедию отказа, заставил себя долго просить прежде, чем взял скипетр, давно уже захваченный им на деле, раньше, чем воссел он на трон, к которому упорно, незаметно, ценою преступлений и нечеловеческих усилий шел уже двадцать лет подряд.

И враги должны были умолкнуть, смириться перед заведомым злодеем, хотя и мудрым государем, Борисом I, решившим уже давно, что надо рядом прекрасных дел изгладить из памяти людской все дурное, что знают о нем люди, в чем вина, может быть, и не без оснований. Только завоевав всенародную любовь, можно было считать, что род нового царя укрепитсЯ и даст новую династию, заменив Даниловичей рода Калиты, которые в двести с небольшим лет из маленького княжества на Москве-реке создали большое Московское царство!..

– Рубахи последней не пожалею для людей моих! – сказал Годунов при воцарении.

И это была не фраза. Он знал, что хорошая жатва бывает только после щедрого посева. Это он изведal, затратя почти все родовые богатства на подготовку своего избрания. И теперь готов был опустошить царскую казну, ставшую его достоянием, только бы завоевать одно сокровище, овладеть одним богатством, стоящим превыше всего: любовью народной для себя и для своих детей.

Конечно, с годами он преуспел бы и в этом, как успевал доньше во всем остальном. Слишком хорошо знал умный, даровитый правитель и людей, и свои силы, умел учитывать каждый шаг, каждый шахматный ход свой и вражеский на той огромной доске, какую являлось для него и для его недругов Московское царство... Но было нечто, чего не мог учесть и предвидеть даже такой прозорливец-правитель, как Годунов.

Постепенно, за два века, произошли многие перемены в бытовых и экономических взаимоотношениях людей, населяющих эту землю. Но старые, вековые правители, особенно Грозный, стремились и умели пресекать всякие проявления недовольства, с какой бы стороны они ни пришли.

Совсем иначе стало при «новом» царе, да еще при таком, который торжественно объявил о своей готовности всем жертвовать для народа.

Тяготы земские, налоги, подати, идущие в казну, поборы, чинимые в свою пользу воеводами и мелкими чинами, еще более тяжкие, чем «царский сбор», – все это давно было не по душе народу, главным образом, на южных и западных окраинах царства, где особенно тяжел был гнет господский над пахотным населением.

Мера, необходимая для укрепления власти, проведенная Борисом, – прикреплению людей к земле, «крепь вековая» – сразу взволновала низы. Там поднялся громкий ропот и говор, что «новый царь» обещает одно, а делает другое...

Вместо облегчения, которого ждали и требовали массы и даже более зажиточное, городское население, – навалились на людей новые путы, новые тяготы, вызвавшие повсюду глухое недовольство и злобу. Конечно, и с этим волнением успел бы справиться постепенно царь Борис, одним давая льготы, других сжимая в тисках суровой власти, смиряя силой буйную голытьбу, которая особенно зашевелилась уже и под конец царствования Федора; причем «добрая соседка», Речь Посполитая, тоже влила свою долю яду в общую кипень московских неурядиц, желая использовать как можно лучше переходную пору, переживаемую сильным врагом...

Все это видел и понимал Борис, против всего находил способы борьбы... И не справился только с одним.

Современники Годунова толковали в один голос, что «само небо» ополчилось против царя, обagrившего свои бармы кровью многих жертв, до невинного царевича Углицкого включительно.

Иначе, конечно, они и думать не могли, с ужасом наблюдая, какой поток стихийных бедствий обрушился на Московское царство.

Ряд неурожайных лет, засухи, бури, голод всенародный, обращающий москвичей в людоедов, бунты и набеги врагов – все это ураганом закружилось чуть ли не с первого года царствования «кровавого» Бориса-царя.

Нечеловеческую энергию проявил Годунов. Раскрыл царскую казну, находил людей и посылал рати на мятежников, готовился к большой войне, угрожающей

и с запада, и с юга... Но враги тоже воспользовались минутой. Из тьмы могил поднялся призрак, с кровавой зияющей раной на шее, встал убитый отрок Димитрий, и по земле пронеслась весть:

– Царевич Углицкий, Димитрий – воскрес... Не его убили слуги Годунова. Убит другой, а царевич – жив!

Слишком силен был удар, хотя и ждал его постоянно Годунов. Но справиться с призраком он был не в состоянии. Земля сразу заколебалась под ногами. Годунов сломился и погиб. Смерть его искупила многое дурное, сделанное этим честолюбцем при жизни. Считая себя виновным перед Небом, он сам ушел и от власти, и от жизни, полагая, что месть Божества удовлетворится этим, не коснется его отрока-сына, не повинного ни в чем.

И тут ошибся старый прозорливец Годунов.

Короной и жизнью заплатил сын за грехи отца... Позором купила жизнь свою дочь Годунова, Ксения, ставшая наложницей Самозванца, вошедшего победителем в Московский Кремль, принявшего власть и царство.

Но и этот не долго усидел, хотя есть основание полагать, что он был истинный сын Грозного. Стоит вспомнить, как Иван IV молил еще весною 1553 года своих свояков, Романовых-Захарьиных:

– Не дайте боярам извести сына моего (тоже Димитрия, умершего вскоре), как то им обычно... Скройте и бегите с ним в чужие земли, куда Бог укажет!..

И потом, в своих завещаниях детям, уже стариком, Иоанн часто говорит о том же, что им придется скрывать свое имя и спасаться от злобы князей, бояр, недругов своих, в чужом краю... Те же бояре, как, например, Бельский, Кольчеды и другие, – почуяв на себе опалу Грозного, желая уберечь от смерти детей, – укрывали их под чужими именами в монастырях, отдавали надежным людям из простого сословия.

Нет ничего мудреного, что царица-инокиня Марфа, получив наставление от мужа, или сама, зная повадки своих врагов, особенно Годунова, – заблаговременно скрыла второго Димитрия, царевича Углицкого, и удар подосланных убийц достался подставному лицу, бедному ребенку, взятому и обреченному на жертву взамен царственного отрока...

Как бы там ни было – Димитрий-царь, вошедший на престол при помощи польских денег и войск, при содействии понизовой, казацкой вольницы, – не усидел и году на своей высоте, оттуда рухнул в грязь и прах, смешанный с кровью... Даже пепел его был развеян пушечным выстрелом по ветру... Так приказал новый царь, Василий Шуйский, на четыре года успевший захватить царскую власть.

Но этот пепел родил новую смуту, новые беды и разруху для Московского царства, для всей земли... И поляки с гетманом Жолкевским, разбив русскую рать под Клушином, стали настоящими господами смятенной земли...

Считая с воцарения Бориса и по конец 1610 года, когда начинается эта повесть, почти двенадцать лет рвались связи и крепцы, которыми прежняя власть спаяла воедино области, составляющие Московское царство. Шведы на севере, поляки с запада и с юга вошли в пределы обессиленного государства, и чужое иго уже готовилось для самобытной страны славянской, давно определившей себя и свое назначение в горделивом заявлении:

– Москва есть Третий Рим негленный, опора и защита вселенского правосла-

вия, угнетенного турками и латинами!..

Настал последний миг, грозный час, когда должна была решиться участь целого племени великорусского. Надо было или оправдать свои гордые стремления, или сознаться в бессилии и склонить голову под властью шведов и соединенной Польши и Литвы.

Польские отряды сидели в Московском Кремле, и гетман Жолкевский диктовал законы семи верховным боярам, которые кое-как правили землю в эту пору безвластия и лихолетья... И эти же бояре, желая избавиться от нового Лжедмитрия, Тушинского вора, отброшенного весной 1610 года к Калуге, решили призвать на царство сына короля Сигизмунда Вазы, юного королевича Владислава.

В Москве, в этом сердце страны, в древней столице царства Калиты, разыгрывались важнейшие моменты всей трагедии.

Осады, голод, пожары и разгромы перенесла богатая, торговая Москва... Целые улицы лежали в развалинах... Китай-город, Кремль несли следы ядер, разрушения и огня...

Но быстро оправлялась Москва после самых тяжелых ударов... На пепелище росли новые дома и усадьбы со сказочной быстротой... Вымершие, убитые – заменялись тысячами, десятками тысяч новых, пришлых людей... И снова жизнь загоралась в Москве белокаменной, сияли огни в сотнях ее церквей, которых особенно много настроил покойный Федор-царь и царь Борис... Черно в храмах от молящихся... А еще люднее на базарах, на торгах славной, богатой Москвы, лежащей на самом пути из «варяг в греки», с Запада, промышленного и торгового, на богатый, сказочный Восток...

Несмотря на раннее утро, шумно илюдно было 11 сентября 1610 года на большом торгу у Пресни-реки, за Тверскими воротами.

Целым городком, с тесными, людными улочками и переулками раскинулись навесы, шатры, палатки и ларьки разных торговцев в самом причудливом беспорядке. Ближе к берегу стали обозом деревенские возы, телеги, на которых окрестные крестьяне привезли на продажу зерно, сено, живность, пряжу, кожи, ткани, все, что нашлось в обиходе для сбыта в ближней торговой Москве.

Кони тут же привязаны у задков телег или отведены в особую коновязь, оберегаемую сторожами. Пешие стрельцы-стражники, с алебардами и пищалями, виднеются тут и там, посланные для охраны торгога. И конные вершники медленно пробираются в толпе или рысью объезжают окраины торгога, готовые настичь «лихого человека», помешать ссоре, драке, а то и явному грабежу, какой теперь не редко происходит среди белого дня...

Сотни и сотни бродящих торговцев снуют со своими лотками на голове или у пояса на перевязи, среди люда, волною заливающего все обширное место торгога. Квасники с бочонками или с медными жбанамии на голове особенно звонко и голосисто выкрикивают свой товар. Но их голоса тонут в общем шуме и гаме, наполняющем воздух.

И только резкие, пронзительные голоса торговков, сидящих у своих ларьков и корзин с разной зеленью, со снедью, с лакомствами или снующих между толпой, только эти звонкие выкрики выделяются порою из общего гула и рокота, висящего над торгогом.

В рыбном конце, под навесами, стоя у бочек и полубочонков, наполненных

товаром, степенные, пожилые продавцы поглядывают на своих молодцов, которые горланят на всю площадь:

- Ры-ыба ха-арошая!.. Донской малосол!.. Снеточки белозерские!..
- Ко-ожи!.. Ко-ожи коневые... Ко-ому ко-ожи! – звучит из другого угла.

– Во-от клюква!.. Во-от крупна!.. По яго-оду-у по клюкву! – надрывается хор женских голосов.

А дальше выкликают деготь, мед, ободья и посуду, рукавицы и пояса, словом, все, что можно продать и купить... А между шатрами, при въездах и выездах с торга, на ближней паперти соседнего старинного, деревянного храма – всюду сидят нищие, калеки, слепцы с поводьями. Иные просто тянут «Лазаря» либо стих о том, «как Христос во ад сходил»; другие свои гнусавые, тягучие напевы сопровождают звуками старых, скрипучих, разбитых бандур или тягучим гудением кобзы...

Юродивые, босые, полуобнаженные, а то и совсем нагие, позвякивая веригами, мелькают тут и там, заходят порою в ряды лавок, принимают там подаяние и, поев или раздав принятое другим нищим, снова прорезают толпу, которая почтительно расступается, давая дорогу «людям Божиим», стараясь уловить доброе или дурное прорицание среди того постоянного, невнятного бормотанья, с каким обычно ходят блаженные в людской толпе.

Белое духовенство, попы вместе с мирянами явились на торг запасти что можно, походнее да подешевле. Черные рясы иноков и монахинь тоже не редко видны в разноцветной толпе московского люда, пришедшего на торг. Ближние монастыри, да и дальние тоже, – зная, что будет много народа на торгу, высылают туда свои сборщиков за подаянием. Особенно теперь дорог каждый грош, когда, в пору лихолетья, оскудели даже монастырские казнохранилища... Да не мало монастырей и совсем упразднилось. Враги пришли, ограбили обитель, братия разбежалась... И только пустующие, выгорелые кельи, оскверненные храмы – остались вместо богатых, людных общежитий монашеских...

Особенное оживление, конечно, наблюдается около усадьбы, стоящей поближе к самым воротам, где елка, торчащая над уличным коньком избы, говорит внятно, что здесь именно находится кружало, царев кабак, без которого обычно и торг не в торг!..

Подобно тому как вся Москва и пригороды выслали на торг своих представителей, также и в кабаке и перед ним сошлись мужики, словно выборные от всего люду, наполняющего площадь торга и ближние переулочки.

Тут и крестьяне, и возчики, и торговые люди, и служилый народ, стрельцы, казаки, холопы боярские и почище люд, не исключая и духовных, особенно из «ченцов», или иноков и послушников монастырских...

Иные, выпив свою чарку, снова отправляются на торг, другие – часами сидят в шинке или подле него, распивая взятую посудину... И чем выше поднимается солнце, чем больше прибывает народу на рынок, – тем шумнее и гуще толпа в кружале и вокруг него.

А небольшая кучка донских казаков, молодых и старых, еще до свету попал сюда, расположилась словно табором. Кони стояли привязанные у частокола, и поочередно один из компании навевался к ним. Сами же донцы, раскинув свои бурки и потники под развесистой рябиной, сперва выпили все, что было у них в баклагах, потом снесли пустой бочонок, или «барылок», как его называли, в

кабак, наполнили там, осушили, закусывая сухой таранью и хлебом, привезенным с собою. И еще не раз наполнялся и осушен был барылок. Часть из собутыльников уже насосалась до отказа, и, громко похрапывая, спали тут же, среди шума и гомона, опьяненные льщари. Остальные продолжали кутеж. Подозвав несколько веселых торговков, любящих вино, а то и просто гуляющих бабенок, которых не мало на каждом торгу, казаки затеяли лихую пляску, подпевая себе при этом. А один, постарше, бросив пару монеток слепцу-бандуристу, привел его к рябине и крикнул:

– Буде тебе кота хоронить! Жарь плясовую!..

И непривычными к «светским» напевам пальцами заиграл бандурист плясовой мотив. А казаки, отплясывая своего гопака под эти чужие напевы, во всю глотку, вразрез бандуре, выводили по-своему:

Гей, дуб-дуба! Дуба-дуба,

Дивчина моя люба!

Набрехала на мене,

Шо я лазыв до тебе!..

И с этими залихватскими звуками выбивали тяжелые чеботы частую дробь гопака по измятой, истоптанной траве на лужайке под рябиной.

Густая толпа зевак сошлась и глядела на пляску казацкую, на бесшабашное пьяное веселье, переходящее порою всякие пределы благопристойности.

На одном из самых бойких углов торгога, поближе к воротам, раскинулись шатры и навесы стрельцов-городовых московских, которые не пренебрегали и торговой наживой, пользуясь при этом разными льготами и поблажками со стороны правительства; оно не могло слишком щедро оплачивать солдатскую службу и потому давало иные способы подрабатывать, сколько кому не хватало на жизнь.

Стрельцы имели и свои постоянные места в городских торговых рядах, и выезжали на временные рынки, на торгога и подторжья, даже на ближайšie ярмарки, имели своих подручных и приказчиков, частью из родни, частью – наемных.

Торговый люд, купцы и даже гости наезжие московские косились на торгогаей-стрельцов, соперничество которых в торговле отнимало лишние барыши. Но напрасны были челобитные и устные прошения. Стрельцы продолжали вести торг и многие сильно богатели. Не брезговали торговым делом не только рядовые стрельцы, – записывались в это дело десятники и головы стрелецкие. Тысяцкие и воеводы лично не занимались торговлей, но им сами торгогаи-стрельцы несли дары от усердия своего. А то и брали у начальства деньги, пускали их в оборот и несли крупные барыши этим «потаенным» половинщикам, стоящим по виду далеко от мелких торговых дел.

Здесь, на Пресненском торгу, несколько стрелецких навесов вели торг исключительно боевыми припасами, свинцом, порохом, или «зельем», как он назывался тогда. Старое или новое оружие лежало тут же на земле, у ларей, или висело на столбах навесов.

У одного из них сидел немолодой, степенный стрелецкий голова Ефим Озеров. Поглядывая на толпу, которая почти сплошную массою двигалась мимо ларя, он поглаживал свою седеющую бороду клином и порою обращался к долговязому парню лет восемнадцати, племяннику своему, служившему у дяди подручным.